

A movie poster featuring a man and a woman in a dramatic pose. The man, on the left, wears glasses and a black leather jacket over a light-colored shirt. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a white blouse, holding a pearl necklace. The background is dark with blue and orange lighting. The title 'СВОДНЫЕ' is at the bottom, and the actress's name 'ВИКТОРИЯ ЛУКЬЯНОВА' is at the top right. A circular '18+' rating is in the bottom right.

**ВИКТОРИЯ
ЛУКЬЯНОВА**

18+

СВОДНЫЕ

Виктория Лукьянова

Сводные

«Автор»

2021

Лукьянова В.

Сводные / В. Лукьянова — «Автор», 2021

Наши родители поженились, когда мне было шесть, а ему двенадцать. Он сын школьной учительницы, я дочь бизнесмена. Между нами слишком много «но»... И слишком много детских обид и ошибок, из-за которых теперь мой сводный брат меня ненавидит. Я пытаюсь отвечать ему тем же. Пытаюсь заставить себя возненавидеть его, но мои чувства к нему сильны и очень опасны... Я люблю его. Люблю и боюсь признаться в чувствах. Но сможет ли он простить меня и полюбить?

© Лукьянова В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктория Лукьянова

Сводные

Пролог

Он не стучит. Не ждет на пороге или вовсе, как это обычно бывает, игнорирует мою комнату и быстрым бесшумным шагом проходит по коридору, направляясь в свою спальню.

Он врывается как вихрь.

Дверь бьет о стену, вынуждая меня вздрогнуть и подскочить. Я ждала его появления, но не была готова. Разве к такому можно вообще подготовиться?

Его лицо, всегда кажущееся спокойным и безучастным, сейчас отражает весь спектр эмоций. И эти эмоции совершенно не положительные. Гнев. Ярость. Злость. И, кажется, немного боли... В последнем я могу заблуждаться. Яр для меня всегда был закрытой книгой, а мои способности различать чужие чувства и того хуже – я слишком сосредоточена на себе, чтобы замечать других...

Он преодолевает разделяющие нас метры с бешеной скоростью.

Я пытаюсь дышать и не показывать страха, но он отчетливо отражается на моем лице. Сводит скулы от поджатых губ и напряженных челюстей.

– Ты, – рычит Яр, бросаясь на меня как разъяренный тигр.

Блеск его очков гипнотизирует, и я не сразу понимаю, какой именно маневр совершает брат. Но когда его рука оказывается на моем горле, а спиной я ударяюсь о стену, мне становится по-настоящему страшно. Между лопаток жжет. Но не от удара. Я не замечаю физическую боль. Иное саднит и кровоточит. Кажется, брат ошибается... Я не бессердечная сука. У меня есть сердце, которое ударяется о ребра и колотится как отбойный молоток. Вот-вот вырвется наружу, раскрошив кости, и я докажу брату, как он сильно заблуждался. Всегда заблуждался.

– Ярослав, – хриплю, но не пытаюсь сбросить его руку. Он лишь держит, но не душит. По его глазам читаю – еще один неверный шаг и его пальцы сомкнутся крепче.

– Молчи, – шипит, впиваясь ногтями в кожу.

Я начинаю паниковать. Он никогда так не поступал. Как бы я себя не вела, какие бы поступки не совершала, он терпел. Всегда терпел. Но видимо, и его чаша имеет право переполниться. И сейчас я пожинаю плоды собственных поступков. Ошибок. Их слишком много.

Я шумно глотаю, радуясь – воздух все еще без проблем поступает в легкие и обжигает. На глазах против воли выступают слезы. Но он не верит моим слезам. Никогда не верил. Маленькая врунишка – так называл меня сводный брат, когда мне было шесть, а ему двенадцать.

Эгоистка, стерва, дрянь – когда я отметила пятинадцатилетие.

Сука – а это уже сейчас, после его возвращения домой.

– Зачем? – выдыхает, продолжая держать меня в западне.

Его лицо слишком близко к моему. Я чувствую горячий воздух, пропитанный кедровыми нотками его парфюма и остатками сигаретного дыма. Яр начал курить в шестнадцать. Я поймала его и сдала родителям. Наши отношения ухудшились намного раньше. Но чтобы я не делала, как бы ни подставляла его – специально или случайно, как с сигаретами, – он никогда не отвечал мне тем же. Терпеливо игнорировал и проходил мимо, не замечал... Я всегда была пустым местом для брата. Брат... Даже так нельзя называть его. Он запретил...

– Это тебя не касается, – шепот вместе с воздухом срывается с губ.

Но Ярослав не принимает ответ, как и не верит мне. Никогда не верил. Сейчас бесполезно утверждать обратное.

– Заблуждаешься! Еще как касается! Касается нас двоих. Поэтому говори. И постарайся больше не лгать. – Подтверждает мои мысли и давит на горло. Вот теперь воздух с катастрофической скоростью заканчивается, и я начинаю хлопать губами, жадно глотать пустоту. Наверное, со стороны выгляжу как рыба, выброшенная на песчаный берег. Плевать! Мне плевать. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

– Яр. – Хрип вместе с остатками воздуха срывается с губ. – Пожал... ста... Прекрати...

Он держит. Не отпускает.

Слезы жгут щеки. Я отбиваюсь. Поднимаю руки, хватаю его локоть. Дергаю. Но безрезультатно. Брат никогда не был крепким парнем. Ботаник в очках – этаким шаблонный персонаж. Но за несколько лет он сильно изменился. И теперь под светлой кожей с темными волосками и проступающими венами таится пугающая сила. Я вижу, как мышцы на его руке напрягаются.словно канаты натянуты жилы. Он давит, не жалея меня.

Неужели это все?

С губ срывается поверженный всхлип.

Рука Ярослава расслабляется, но не отпускает.

– Ненавижу тебя. – Слова как похоронный марш вырываются из него. Теперь точно точка. Это финал, и я проиграла. Вновь.

– Прости, – тихий шепот и до сих пор неизвестное слово слетает с посиневших губ. – Прости. Прости... – как заведенная повторяю, перехватывая дрожащими пальцами его запястье.

Пульс. Я чувствую, как колотится мое сердце. Бешено и бесконтрольно. Его сердце не отстает.

– Заткнись, Арина, – произносит брат, вынуждая меня захлопнуть рот и уставиться на него.

Через пелену слез его лицо кажется размытым, и я шурюсь, пытаюсь отыскать столь дорогие и родные черты. Но его образ уплывает от меня, и я закрываю глаза, надеясь, что когда распахну их, то вновь четко смогу различать привычные очки в металлической оправе, которые так идут брату. Его тонкие бледно-розовые губы и еле заметную щетину, к которой так и хочется прикоснуться. Проверить, оставит ли она следы на моей коже. Хотя что-то... Я так хочу, чтобы мне досталось от Яра хоть что-то... Жалкая крупница, но моя личная...

Я одержима им. Наверное, даже люблю...

Но он ненавидит меня. Всегда ненавидел.

– Черт! – рык срывается с его губ, и я открываю глаза, чувствуя, как рука, удерживающая мое горло, внезапно исчезает. Но вместо того, чтобы встретиться с ним взглядом или вдохнуть полной грудью, я распахиваю глаза от ужаса, и вижу, как в мою сторону летит кулак. Он пролетает мимо. Буквально считанные миллиметры, и вонзается с глухим стуком в стену.

Я громко ахаю и смотрю на Яра, и не узнаю его. Будто вижу впервые, будто не было двенадцати лет, которые мы знали друг друга.

Чужие. Мы всегда были друг другу чужими.

– Яр, – шепот срывается с губ с тихим всхлипом.

Он поднимает глаза и встречается с моими, наполненными слез и страха.

– Арин, я...

Он больше не говорит. Я вижу, как его губы подрагивают в безмолвной тишине. Кажется, он хотел бы что-то сказать, возможно, как и я. Но я не нахожусь со словами, покинувшими мою голову, как и мысли, и оставившими в черепной коробке звенящую пустоту. А Ярослав вовсе пугает, сокращая между нами расстояние до критического малого. Я вновь жмурюсь, ожидая нового удара или злого рыка, но удивленно распахиваю глаза, ощущая, как мои губы что-то обжигает.

Его губы... Они сминают мои, рвут на жадные поцелуи. Нет, даже не поцелуи. А что-то похожее на яростное вторжение. На проникновение языком, на ворованный воздух. Я выды-

хаю и теряю контроль над собой. Мое тело превращается в неподвижную статую из цельного куска льда, когда мой неприступный сводный брат объят адским пламенем. Его пальцы вонзаются в мою талию. До боли. До немого ругательства. Но я лишь глотаю слезы и позволяю ему вторгаться в себя. Рвать жадно губы, разводить коленом мои ноги.

Это ведь то самое? В голове хаотично мечутся мысли. Я должна заставить себя двигаться. Оттолкнуть его, потому что то, как трогает Яр, мне не нравится. Слишком опасно. Слишком яростно...

Или наоборот привлечь его еще ближе, словно попытаться срастись с ним телами...

Ведь я этого хотела? Несколько лет, с тех самых пор, когда девочки начинают мечтать о мальчиках...

Я всегда мечтала о своем сводном брате. Он был для меня идеалом мужчины. Тем, кому я бы хотела подарить первый поцелуй, первую ночь...

Но то, что творится между нами сейчас похоже на наказание. Для нас двоих...

Глава 1

– Смотри, вот это или это?

Луиза тыкает ногтем в экран своего планшета, заставляя и меня повернуть голову и посмотреть на то, что она планирует приобрести. Сегодня у нас день шопинга. Онлайн-шопинга. Обычно мы предпочитаем выбирать в торговый центр или ездить по различным бутикам на новенькой красной машинке подруги, но в этот раз решили отказаться от много-часовых походов по магазинам и заперлись в комнате Луизы в ее родительском доме.

– Вот это. – Указываю на бледно-розовое платье на тонких бретелях и с кружевной отделкой. Как раз в духе подруги – миленькое, нежное и что-нибудь миниатюрное.

Она хищно скалится и отправляет еще одну будущую покупку в виртуальную корзину. Я замечаю, как счетчик приближается к двадцати.

– Может, хватит? – Киваю на цифру, на что получаю залиvistый смех подруги и яркие огоньки в глазах.

– Неа, я только разогреваюсь, – заявляет она, открывая новую страничку. – Теперь нужно найти босоножки под это платье, – с гордостью произносит, вызывая во мне усмешку.

Из нас двоих, школьных подруг, манией к трате родительских денег страдает лишь Луиза. Но она может позволить себе немного прибахлиться, впрочем, могу себе позволить и я. Но в последнее время у меня появилось стойкое желание завернуться в плед, взять кружку с какао и посмотреть сериалы. Кажется, это отходняк после стрессовых экзаменов. Но теперь когда все позади, я не чувствую прилива бодрости. Словно что-то темное и неизвестное гложет меня и тянет на дно.

– Эй, а как тебе вот эти? – восторженно произносит подруга и уже тыкает экраном в мой нос. Я вовремя успеваю отклониться назад, чтобы не получить по лицу и хмурю брови, гипнотизируя шпильки.

– Ты говорила про босоножки, – напоминаю подруге про ту часть обуви, которой по ее заверениям в гардеробной комнате не хватает. В последнем она, конечно же, преувеличивает. У Луизы как минимум пятнадцать пар босоножек, но ей всегда мало.

– Но смотри какие туфельки! – бормочет она, продолжая рассматривать экран. – У меня аж слюноотделение началось.

– У тебя этот физиологический процесс продолжается уже час. Может, нам лучше поесть?

Луиза усмехается и просматривает новые снимки туфелек на шпильке. У нее как и у многих других есть слабость. Но лично у Луизы эта слабость заключается в высоте каблука. При росте в сто пятьдесят три сантиметра она считает себя слишком низкой, чтобы выбирать практичную обувь, а не ту, на которой можно переломать косточки. Я же выше подруги и поэтому чувствуя себя вполне комфортно, но ровно до того момента, пока она не начинает указывать на нашу разницу в росте.

– Давай пиццу закажем, – бормочет подруга, отправляя туфельки в корзину. Двадцатая будущая покупка. – Сейчас еще босоножки поищу, и я буду готова к употреблению калорий, – показывает мне ряд ровных белых зубов и, усмехнувшись, возвращается к онлайн-магазину.

Я соглашаюсь и на пиццу, поднимаясь с постели подруги, и шаркаю босыми ногами по ковролину с длинным ворсом. Мне нравится, как он щекочет пятки, и как ноги легко ступают по мягкой поверхности. Пожалуй, приобрету себе небольшой коврик, чтобы наслаждаться по утрам приятной прогулкой по комнате.

Добравшись до комода, куда я бросила сумочку, достаю телефон и, разблокировав экран, замечаю пропущенное сообщение от Марины.

Марина моя мачеха, с которой у нас за двенадцать лет, как она сошлась с моим отцом, сложились вполне дружелюбные отношения. Мы не породнились, как это могло бы произойти между дочерью и матерью, и не стали хорошими подругами, как с Луизой, но то, что было между нами, вполне терпимые почти родственные отношения. Она любит меня и заботится, даже порой защищает перед отцом, если я что-нибудь сделаю такое, отчего в иной раз можно было бы схлопотать ремнем по заднице. Но и я стараюсь держать между нами достаточную дистанцию, чтобы не забывать – Марина не моя мать и никогда ее не заменит.

Нажав на иконку, я проваливаюсь в папку с входящими сообщениями и бегло просматриваю пару строчек. Их смысл доходит не сразу, но когда мозг наконец-то начинает выполнять свою непосредственную прямую функцию, я нервно заглатываю слюну и вновь перечитываю.

– Кажется, я больше не хочу есть, – произношу, рассматривая как загнипнотизированная единственное слов, которое цепляет и не отпускает. Его имя.

– Что случилось? – Где-то на периферии слышится голос Луизы, которая подскакивает и приближается ко мне.

Я не успеваю отреагировать на ее вторжение в личное пространство, и она ловко отбирает мой телефон и изучающе рассматривает сообщение от Марины.

– Вау! – слышу ее неподдельный удивленный вскрик и вздрагиваю, отмирая и оборачиваясь.

Луиза возвращается в постель, плюхается на пятую точку и глупо хихикает. Я вижу, как на ее лице растягивается та самая плотоядная улыбочка, когда моя подруга замечает новую цель, в которую направит свои острые коготки. Сейчас этой целью становится Ярослав.

– О мой бог, – шепчет она, поднимая на меня глаза. – Неужто сам ледяной принц соизволил навестить скромный отчий дом?

Она, конечно же, драматизирует, но во мне рождается желание улыбнуться. Пусть и выходит это в итоге криво. Я возвращаюсь к подруге, занимаю место рядом и осторожно отбираю свой смартфон, пока она не догадалась залезть туда, куда пронырливой подруге не стоит совать миленький маленький носик.

– Да, соизволил, – голос немного хрипит, но подруга не замечает перемены настроения. Я уже с утра была немного не в духе, поэтому мы и ограничились онлайн покупками, вместо запланированных покатушек на весь день.

– И я так понимаю, уже сегодня? – томно произносит она, прикасаясь к моему плечу щекой.

Приходится согласиться, медленно кивнув. Сердце отчего-то нещадно начинает стучать. Волнение волной разливается под кожей.

– И у вас будет семейный ужин?

– Так написала Марина. – А тут я пожимаю плечами, пытаюсь совладать с эмоциями и не выдать своего страха. Для Луизы мое отношение к брату кардинально иное, чем то, что я чувствую по-настоящему. Но я умею хранить тайны и никогда никому не признаюсь. Потому что боюсь... Черт! Как же я боюсь саму себя.

– А там лишнего столового прибора на одну очень хорошую подругу случаем не найдется? – подмигивает, заглядывая в мои глаза. Как щеночек, ей богу! Так и хочется сказать да и позволить бестии ворваться в мой дом. Яр явно не оценит гостя за столом.

– Прости, но нет, – отвечаю, и слышу, как шумно вздыхает Луиза. Наигранно обижается, отворачиваясь, и тянется к своему планшету.

– Ну и вредина ты, – смеется она, разблокировав экран. – Хоть так полюбуюсь, – произносит и до того как я успеваю понять о чем идет речь, Луиза уже ищет моего брата среди ее друзей в инсте.

Да, с некоторых пор он стал вести жизнь в социальных сетях. Фотографий там мало, историй и прочего и того меньше, а если и есть новости, то обычно от его друзей или той ком-

пани, которую он затеял пару лет назад. Я пытаюсь признаться себе, что слежу за братом. Но от осознания мысли, что зарегистрирована там под чужим вымышленным именем, становится дурно. Попахивает каким-то извращением. Но мера вынужденная, и лишь это успокаивает мою совесть, пусть другие в ее наличие и не верят. Яр ни за что бы на свете не позволил мне следить за его жизнью. На пушечный выстрел бы не подпустил, а так со стороны, одним глазком... Пожалуй, вот и еще одна тайна, тщательно оберегаемая мной...

– О, какой он стал, – тянет Луиза, выдыхая. Я слышу приторные нотки, проскальзывающие в ее выражении, и ничего хорошего они не сулят. – Красавчик! Слушай, я же говорила, он еще тот ледяной принц. Какие плечи! Это где он? – он указывает на снимок, на который я залипала несколько дней подряд.

Я почти неуловимо отправляю слюну в пустой желудок и медленно поворачиваю голову. Бросаю незаинтересованный взгляд и пожимаю плечами.

– Без понятия. Он передо мной не отчитывается.

– Хотя без разницы где, – соглашается Луиза, явно пытаюсь сохранить нейтралитет в этой бесконечной молчаливой войне. – Но он хорош без футболки.

Смешок срывается с губ.

– С каких пор тебя интересуют дохляки? – говорю небрежно и явно преуменьшаю достоинства брата. – Помнится, твой идеал голубоглазый блондин с широченными плечами. Как тот, из тренажерки.

Луиза изгибает темную бровь и отмахивается.

– Мне, конечно, нравятся качки и мажорчки, но вот такие парни как твой брат стоят на отдельном пьедестале.

– Почему? – а вот сейчас удивляюсь искренне. Что ее могло зацепить в моем брате и стоит ли расценивать подругу как некую соперницу в моем тайном обожании?

Луиза вновь смотрит на снимок, явно увлекаясь тем, на что я сама капала слюной, и задумчиво произносит.

– Он другой, Арин. Понимаешь, в нем есть нечто такое, за что хочется ухватиться и не отпускать. Ты только его успехи в школе вспомни. Все олимпиады его. Золотая медаль. Лучший университет страны и без отцовской протекции. Все сам. Своими мать его офигенными мозгами. Он же чертов гений! А что в итоге? – с пылом выдает тираду, ошарашивая меня до немого хлопанья губами. – Их стартап сделал его молодым миллионером. Заметь, опять все сам. Без твоего отца.

А вот тут подруга права. Во всем права, отчего мне становится стыдно и дурно. Я родилась дочерью бизнесмена. Вполне удачливого и имеющего хорошее финансовое состояние. Ярослав и его мать, школьная учительница, долгие годы не знали, что такое дорогие шмотки или полный холодильник качественных продуктов. Его до двенадцати растила только мать, и когда Ярослав и Марина оказались на пороге нашего загородного коттеджа, он выглядел так, словно планировал наняться на грязную работу за три гроша, а не стать членом нашей семьи. Высокий, тощий и в огромных некрасивых очках. Это уже позже в нем появился лоск, а характер и воспитание сделали его сдержанным, немногословным чертовым ботаником, в гениальность которого верили все, кроме меня. Я же предпочитала обзывать его и доставать, отрицая его таланты. Хотя, именно гением и был мой брат.

– С чем его и поздравляю, – надменно произношу, выбрасывая из головы непрошенные мысли.

– Смотрю, ты не в духе, – приглушенно произносит Луиза, отодвигая в сторону экран с фотками моего брата.

– Да, сорри, – усмехаюсь, хотя я нисколько не сожалею. В груди неприятно щемит. – Мне еще терпеть его вечно недовольное лицо весь вечер. – Гримасничаю, пытаюсь изобразить

выражение, с которым брат обычно смотрит на меня. – И я очень надеюсь, что он не задержится у нас надолго.

Я лгу. Каждое слово, вырывающееся из моего рта – чистейшая кристальная ложь. Я хочу не только его увидеть, но и услышать голос. Заглянуть в холодные карие глаза, невзначай дотронуться. Сделать хоть что-нибудь, что сблизит нас... Хотя бы на одну гребаную секунду. Но он не подпустит. Да и я не осмелюсь. Трусливая и лживая Арина. Его ненавистная сводная сестра, которую Яр предпочитает вычеркивать из своей жизни. Всегда.

– Пожалуй, мне пора. – Я поднимаюсь и одергиваю свой сарафан, задравшийся и чуть мятый по бокам.

Хочу вернуться домой раньше, чем он приедет, привести себя в порядок и не выглядеть как девчонка, которая без пяти минут отметила совершеннолетие и наконец-то получила школьный аттестат. Хочу стать хоть чуточку старше в его глазах. Взрослее. Возможно, это что-то поменяет.

Но не уверенности мне не хватает, а банальной возможности отмотать время вспять, отыскать ту себя в прошлом, девчонку, которая всеми силами пыталась привлечь внимание парня, и поступала порой дурно и не справедливо.

Я все портила сама. Много-много раз.

Глава 2

Луиза порывается отвезти меня домой, но я отказываюсь от ее помощи и вызываю себе такси. Подруга деланно дуется, но не обижается. Ей нравится ездить, она и права получила раньше всех, а на свое совершеннолетие родители подарили ей ту самую красную машинку. Водить у нее получается на удивление отлично. Словно была рождена для этого. Я же пока не решаюсь записываться в автошколу. Будет время, еще успею. А вот отец порывался купить мне машину на восемнадцатилетние, после того как ему хвасталась Луиза, но я отказалась от подарка, предложив вложить эти деньги на счет. Мало ли... Отец с моими доводами согласился, при этом удивленно округляя густые черные брови – мол, моя девочка в кои-то веки выдала умную мысль. И я очень надеялась, что он не поделился тем нашим разговором с Мариной, а она уже с сыном. Не хватало еще презрительных взглядов от Ярослава. Уверена, вот он сможет меня подколоть каким-нибудь гадким замечанием.

Я постукиваю по бедру пальцами, пока автомобиль паркуется напротив нашего дома. Выбираюсь из салона и, стараясь сохранить видимое спокойствие, приближаюсь к дому. В груди сердце продолжает от волнения отплясывать чечетку. Я прокручиваю в голове список дел, которыми нужно срочно заняться – принять душ, подобрать одежду и сделать сдержанный макияж, чтобы выглядеть перед Ярославом вполне опрятно и по-взрослому, но все мысли улетучиваются в миг, когда я вхожу в дом и вижу на пороге чемодан.

Мои глаза скользят по темно-серой плотной ткани, цепляются за металлическую ручку и кожаную оплетку. Подняв голову, я замечаю чужую спину, затянутую голубой тканью футболки.

В горле поднимается ком, который я судорожно пытаюсь запихнуть обратно в желудок.

Он приехал. Черт! Раньше времени! Марина же писала про ужин... Или она имела в виду, чтобы я вернулась домой до ужина, а брат прилетит раньше? Пока я пытаюсь сообразить и вспомнить сообщение, которое до этого момента прочитала несколько раз, фигура передо мной оживает и медленно оборачивается.

Наши глаза пересекаются как две шпаги. Мои – ошарашенные от неожиданной встречи. Его – ледяные и пустые.

– Привет, – против воли вырывается слово, на которое Ярослав никак не реагирует. Впрочем, он никогда со мной не здоровается. Словно это запрещено в его каком-то внутреннем уставе. – С приездом. – Пытаюсь взять себя в руки и делаю шаг вперед, огляывая чемодан.

Ярослав следит за мной. За каждым чертовым движением, отчего мне становится неуютно. Я чувствую, как по коже мчится табун мурашек, именно там, где касается взгляд карих глаз. Сначала мое лицо пронзает стая ледяных снежинок, сползает ниже и тянется следом по шее, по пульсирующей вене, до плеча и ключицы. Думаю, он немного удивлен увидеть меня именно такой – в легком сарафанчике, который едва прикрывает грудь и бедра. Хлопковая белая ткань не обтягивает тело, но если присмотреться, то можно увидеть кромку белья. Да, он замечает. Я чувствую, как его взгляд запинаясь и непозволительно долго держится на груди.

– Как долетел? – Пытаюсь разорвать повисшую между нами паузу и заставить брата наконец-то заговорить, но он неторопливо поднимает глаза и отвечает так, что хочется заткнуть уши и уйти.

– С каких пор тебя это волнует? – Режет словами как острым ножом.

Я поджимаю губу, заставляя себя сдержаться и не выплюнуть что-нибудь мерзкое в ответ. Пожимаю плечами и прохожу мимо, все еще чувствуя его взгляд на себе, но теперь на ногах. Да, сарафан почти не прикрывает мои ноги. И, наверное, за год, который мы не виделись, я

изменилась. Я надеюсь на это. Потому что, кажется, все еще меняюсь. Хочется одернуть подол и прикрыть зад. Жду, когда следом прилетит что-то из разряда «шлюха», но Яр молчит.

– Не волнует, – я все-таки отвечаю, оборачиваясь через плечо. – Так, чтобы поддержать диалог, – усмехаюсь, встречаясь с его глазами.

– Сынок! – голос Марины разрывает зрительный контакт и спасает нас от перепалки.

Женщина торопливо перебирает ногами, хлопая тапочками по мраморному полу, и подлетает к Ярославу, который выше матери почти на голову. Наверное, ростом пошел в своего отца, которого я видела лишь раз на старой фотографии. Как раз из тех случаев, которые выходили мне боком. Тогда Яр вышвырнул меня из своей спальни и запретил приближаться к его вещам. А после я заложила его, когда он сцепился в школе с парнями из параллельного класса. Да, даже ботаникам доставалось, особенно тем, которые в одночасье начинали хорошо жить.

Я отворачиваюсь, бросаю взгляд на спешащую Марину и прохожу мимо, кивнув ей. Но неожиданно ее голос заставляет меня замереть у лестницы.

– Арин, подойди к нам.

Я вынуждена повернуться всем корпусом и уставиться на женщину, в глазах которой стоят слезы радости. Он машет и подхватывает меня под локоть, обнимая второй рукой сына. Ярослав молчит, но я замечаю, как меняется его лицо. Только что было довольным и даже светлым от мимолетной улыбки, и вот он опять скован коркой льда. Я невольно делаю шаг навстречу, но замечаю – он качает головой, словно заставляя меня замереть на месте и не нарушать его границ.

– Да, – учтиво интересуюсь, что же Марине могло понадобиться от меня.

– Я так рада, что вы оба наконец-то дома, – выдыхает она, явно не замечая, какое напряжение искрит между мной и ее сыном. – Вы же оба будете на ужине?

Я киваю, Ярослав тихо отвечает.

– Ну и отлично, – Марина сияет как рождественская елка. – Давай, хватай свой чемодан. Пойдем к тебе в комнату. Там ничего не поменялось, – радостно восторгается она, следя за сыном.

Ярослав подхватывает чемодан – легко и быстро, и следует за матерью по лестнице на второй этаж. Проходят мимо меня, и я смотрю в спину Марины, но она не замечает моего взгляда. А вот Ярослав, кажется, видит все – наши глаза вновь цепляются как репейники друг за друга. Он на мгновение замирает напротив меня и, чуть наклонившись, произносит фразу, вызывая во мне жгучее желание ударить его.

– Не мешайся под ногами, сука.

Сердце ударяется о ребра. Я молча глотаю оскорбление и провожаю его широкую спину. От синевы его футболки болят глаза.

Я продолжаю стоять у лестницы, пока они не скрываются в коридоре на втором этаже. Стою даже тогда, когда наверху хлопает дверь. Стою и после. Тело парализует страх и отчаяние. Слезы жгут глаза. Неужели ничего не изменилось?

Я шумно выдыхаю и вздрагиваю, когда слышу свое имя, раздающееся откуда-то позади. Словно через вату доносятся чужие шаги, и быстро моргаю, пытаюсь прогнать непрошенные слезы.

– Арина, добрый день. – Голос нашей домработницы Валентины звучит вполне добро и бодро.

Я неуверенно оборачиваюсь, не зная – не отражается ли на моем лице боль. Но судя по тому, как она лучится счастьем, Валентине явно не до меня. Все мысли женщины сосредоточены на Ярославе – об этом она сразу же говорит, поправляя манжеты своего рабочего костюма.

– Как я рада-то, что наш парень вернулся! – отзывается Валентина, поглядывая на лестницу. – Марина Сергеевна попросила сегодня приготовить королевский ужин.

Я киваю, глотая ком. Ужин. И как пережить еще вечер с ним? Хорошо, что не наедине. Иначе все закончится поножовщиной семейным серебром. Ладно, я привираю. Серебро не держим, а вот столовые приборы из какой-то жутко дорогой французской коллекции имеются. Он считает, что есть нужно их хорошей посуды – тогда и еда кажется вкуснее. В последнее время я вовсе не чувствую вкуса еды. Нервы после экзаменов дают о себе знать каждый день.

– И ты так вовремя вернулась.

Она переводит взгляд серых глаз на меня и оценивает мой вид. Еле уловимо качает головой, явно не одоблив длину сарафана. Что же... Теперь и я не рада, что выбрала именно это платье для выхода. Все еще чувствую на себе его взгляд и помню, как он скользил по коже, оставляя ледяные царапины на шее и ключицах. – Вы успели увидеться?

– Да, – быстро отвечаю, делая шаг в сторону первой ступени. – Я пойду, – произношу, желая поскорее избавиться от Валентины. С ней у нас отличные отношения, но порой и эта женщина перегибает палку, намереваясь меня воспитывать.

Но именно сейчас я не готова терпеть от нее нравов. Валентина что-то отвечает, вроде бы про ужин, но я лишь киваю в ответ и хватаюсь за перила.

Идти тяжело – ноги как деревянные не сгибаются. Это волнение. Это просто эмоции, которые нужно отключать. Выдыхаю, я заставляю себя двигаться и поднимаюсь вверх, слыша, как Валентина удаляется на кухню. Пусть позаботится о царском ужине. Уверена, все будет на высоте, только вкус я вряд ли почувствую, как и не смогу проглотить ни кусочка.

Я прохожу по коридору почти бесшумно. Издалека слышатся голоса. Мне казалось, что дверь захлопнулась, но видимо не до конца. Поэтому я отчетливо слышу голос Марины – она задает вопросы и восторженно поддерживает беседу с сыном. Но вот его голоса я почти не слышу. Что же, он всегда говорит тихо, но вкрадчиво, словно пробирается под кожу. Я замираю около своей двери и смотрю на узкую щель. Голоса стали чуть громче.

– Представляешь, Ариша аттестат без троек получила, – хвастается Марина, на что получает приглушенное хмыканье.

Он веселится? Нет, насмехается! Ему плевать на мои оценки. Ярослав всегда говорил – у моего отца достаточно денег, чтобы я получила золотую медаль за спонсорские взносы.

Я сжимаю зубы до скрежета. Толкаю дверь и влетаю в свою комнату, с хлопком закрываю и жмущуюсь, подавляя злость. Впереди меня ждут самые сложные дни.

Все начинается совсем не так, как я рассчитывала.

Минус десять баллов, Арина Николаевна.

Глава 3

Спускаться к ужину вовремя я не тороплюсь. За проведенные часы в своей спальне я успеваю обмозговать новый план. Получается с трудом, потому что Луиза намерена вытрясти из меня душу и напрашивается в гости, и даже мои отказы ее не останавливают.

Отвечая на ее звонки и сообщения, я то и дело приближаюсь к двери и прислушиваюсь, но в коридоре царит мертвая тишина. Лишь изредка можно услышать шаги Марины. Яр предпочитает не выходить из комнаты как и я. Скорее всего, отсыпается после перелета. Так хочу думать, опускаясь на самый краешек постели и разглядывая разбросанные «наряды» для вечернего семейного ужина. С отцом я уже успела пообщаться – он будет дома ровно к восьми, поэтому искать поддержки у него не стоит. Он как и жена будет рад приветствовать в доме того, кто не доставляет проблем семье. Марина парит от счастья, что ее сын вернулся домой, и напроць не будет замечать моих стычек с Ярым. Поэтому приходится надеяться только на себя.

Вздохнув и прогнав прочь из головы печальные итоги будущего ужина, я поднимаюсь и отметаю прочь любые мало-мальски симпатичные платья. Выбираю джинсовые шорты и футболку с рванными краями. Мы же дома ужинаем, а не в ресторан собираемся.

Затянув в хвост темные локоны, которые достают мне практически до поясницы, я засовываю босые стопы в тапочки и шлепаю вниз, не обращая внимания на собственное отражение, то и дело появляющееся в начищенных окнах, рамках и прочей пафосной фигне, которой обставлен дом. У отца и Марины вкусы схожи – умеют захламлять пространство ненужным мусором. Будь моя воля, половину вещей я бы выкинула. Я предпочитаю минимализм, поэтому в моей комнате все стоит на своих местах и нет ничего лишнего. В комнате Яра то же самое...

Я спотыкаюсь на этой мысли и замираю на лестнице. Нет, это лишь совпадение...

Спускаюсь вниз, чувствуя, как настроение стремительно падает к нулю. Уже в просторной и светлой столовой я выгляжу как депрессивный подросток, а не молодая совершеннолетняя выпускница. На лице отражается нежелание находиться тут, где уже собрались Марина и отец, сидящие друг напротив друга, Яр, что-то отвечающий моему отцу в тот самый момент, когда я вхожу, и пустое место как раз напротив него. Да уж, только Валентина могла так сервировать стол и подготовить места.

Отец бегло осматривает мой внешний вид и качает головой. Явно недоволен, но молчит. Как и Марина, вырядившаяся по случаю в скромное, но вполне приличное платье на широком поясе с рядом перламутровых пуговиц. Ее волосы собраны в тугий учительский пучок, от которого она так и не избавилась даже спустя много лет после того, как совсем ушла из преподавательской жизни и стала домохозяйкой. Привычка неплохая, и я не могу не отметить – такая прическа ей идет. Отец же выглядит немного расслаблено, но в светло-голубой рубашке он уезжал на работу и скорее всего просто не успел переодеться. На Ярослава я стараюсь не смотреть, но все же замечаю – даже он спустился к ужину вполне собранным. Волосы аккуратно причесаны, на носу прежние очки в тонкой металлической оправе. Плечи обтягивает рубашка в серую клетку, а длинные рукава закатаны и собраны на локтях. Немного небрежные вид лишь делает его еще симпатичней. И мне придется видеть его как минимум полчаса!

– Всем добрый вечер, – ворчливо произношу, оглябая стол. – Приятного аппетита.

В ответ я слышу смазанные приветствие от отца и приглашение за стол от Марины. Яр как обычно молчит.

Мысленно выругавшись, я занимаю свой стул и принимаюсь за еду, не извиняясь за опоздание и не обращая внимания на недовольную гримасу отца. Марина приглушенно выдыхает и качает головой. Стучат столовые приборы. Между нами повисает тишина. Я осторожно поднимаю глаза и встречаюсь со взглядом брата. Неужели он следит за мной все пять минут, которые

я вынуждена торчать здесь? Или вновь случайность, от которой кусок застревает в горле. Я давлуюсь и хватаюсь за бокал с водой. Залпом осушаю, пытаюсь протолкнуть кусочек в горле.

– Опять торопишься, – усмехается ласково отец. Видимо не понимает – его дочь может вовсе задохнуться. Вода помогает, но в горле нещадно саднит.

Я поднимаю глаза на отца и отвечаю, пытаюсь больше не кашлять.

– Я не тороплюсь. Так получилось.

Наверное глупо оправдываться и можно промолчать, но игнорировать отца не могу. Следом прилетает милая история Марины о том, как я подавилась в прошлом году. Им кажется милой, потому что они хохочут, я ворчу под нос, надеясь что мои щеки не запылали от смущения и недовольства, а вот Ярослав вновь молчит. Ни один чертов мускул не дрогнул на его лице. Он словно не здесь. Аккуратно ест, аристократично пользуясь приборами. Я засматриваюсь на его руки и невольно повторяю. Но вовремя ловлю себя на мысли – я опять пытаюсь быть похожей на него.

Кажется, меня ловят именно на этом моменте. И нет, ни Марина или отец, потому что они увлечены воспоминаниями, которыми перебрасываются через стол как два фокусника, ловко вынимая из шляпы самые позорные обо мне, и самые лучшие о Яре. Брат. Меня ловит на подражании брат. Переводит взгляд с моих рук, которые зеркалят его движения, скользит выше, заостряя внимание уже на локтях и плечах. Качает головой, явно не будучи обрадован открытием, и пересекается взглядом со мной. Напряжение искрит и готово спалить нас к чертям.

Эта молчаливая битва длится от силы пару секунд, но мне кажется, что бесконечно. Первой сдаюсь я. Возвращаюсь к вилке и тарелке и молчаливо поддерживаю беседу с отцом и Мариной. Они задают вопросы, сами же отвечают, и к концу ужина у меня складывается впечатление – что я и Ярослав тут были лишними. Им не плохо и двоим. Но, возможно, все дело в другом. Они знают, что у нас не самые хорошие отношения, помня про ссоры в прошлом, и сейчас пытаются сгладить острые углы. Ох, надеюсь мирить нас не будут.

– Слав, а когда у тебя билеты обратно? – вдруг произносит отец, и я напряжено замираю. Что значит когда? Неужели он уже уезжает?

Я медленно поднимаю глаза и смотрю по сторонам, периодически скользя взглядом и по брату. Но он повернулся к отцу и не замечает меня.

– Через две недели, – произносит брат ровным голосом, а вот мой внутренний кричит во всю глотку. Что значит через две недели?! Я думала, что он пробудет дома до конца лета! Он же выгодно продал свой стартап, теперь в деньгах купается. Куда ему торопиться?!

– Ты в Москве задержишься?

Он отрицательно качает головой, а после добавляет.

– Нет, на пару дней. Не дольше. Потом улетаем в Пекин.

Сердце устремляется в горло и с размаху плюхается вниз. Живот сводит судорогой. Я нервно сглатываю и пытаюсь думать. Какой еще, мать его, Пекин?!

– Как жаль, – тянет отец, но явно преувеличивает. – Я думал, ты в Москве хотя бы на осень задержишься. Ариша поступает в МГУ. – Выдает мою тайну отец, отчего сердце начинает биться в пятках. Я перевожу взгляд на Ярослава, ожидая колкости, но он как и прежде игнорирует мое присутствие. – Нам с Мариной было бы спокойней, если бы ты за дочкой присмотрел.

Я чувствую себя так, словно меня нагишом вывели на площадь и после показательной порки планируют сжечь на костре. Щеки нещадно обжигает стыд. Уверена, сейчас Яр думает о том, сколько отец отвалил денег и, скорее всего, в зеленой валюте, за то, чтобы я поступила в престижный университет со своим-то аттестатом «без троек»! Он прекрасно осведомлен о моих «школьных талантах», и я не могу ничего противопоставить ему. Да, я действительно не шибко умная, если нас, конечно же, сравнивать. Среднестатистическая выпускница, которой для того, чтобы попасть в хороший вуз нужно обладать либо отличными показателями, либо

как в моем случае – тугим кошельком. И я попала в МГУ по последнему пункту. Не тот конечно факультет, который оканчивал Яр, но и то, что досталось мне – достаточно, чтобы получить хорошее высшее образование и не быть тупым барашком в семье.

– Она взрослая. Справится и сама. – Яр наконец-то обращает внимание на меня, но говорит так, словно я в комнате пустое место. Злость переполняет и уничтожает стыд. Его пренебрежение на корню убивает мое желание провалиться сквозь землю. Я задираю нос и скалюсь.

– Да, взрослая, – подтверждаю его слова, делая упор на последнем. – И неплохо справлюсь одна. Без мамкиной юбки.

За столом воцаряется тишина. Тут я конечно переборщила. Яр никогда не держался за мать, всегда старался быть самостоятельным и помогал ей. Но Марина с трудом отпускала сына от себя, словно отрывала плоть от плоти. И мы прекрасно помнили тот момент, когда она не выдержала и рванула следом за сыном в Москву. Боялась, что он не сможет там один, без нее. Отец отпустил жену, а чуть позже и сам съездил в столицу. Навестил их и забрал Марину обратно, когда та была полностью уверена, что Яр устроился хорошо и ни в чем не нуждается. Поэтому мои слова звучат как брошенный камень в огород Марины, нежели претензия брату, но он принимает оскорбление на свой счет. Да, черт подери, я наконец-то его задеваю.

Злость не просто заполняет меня. Она бурлит и кипит. Течет по венам как лава, обжигая кожу. Неужели он думает, что единственный кто может кидаться оскорблениями и одаривать ледяным презрением? Учусь у лучших!

Я демонстративно складываю салфетку и поднимаюсь из-за стола. Что же, если начала огрызаться, отступать нет причин. Раз я в его глазах сука, то суку и получит.

– Пап, Марин, – одариваю по очереди каждого улыбкой, – спасибо за ужин. Все было классно. Обязательно поблагодарю и Валентину.

Учтивость так и прет из меня. Выслушав сбивчивые ответы от старших, я перевожу взгляд на Яра.

– С приездом, брат, – акцентирую на его нелюбимом слове, складывая перед собой руки. – Надеюсь, эти две недели, проведенные дома, тебе запомнятся надолго.

Ярослав молчит. Да и что ему сказать? Он все еще кипит от злости. Держится, чтобы не испортить и так ужасный вечер и не обидеть мать, если начнет пререкаться со мной. А я, прощаясь, огибаю стол и чувствую, как только что начала войну.

Пусть летит хоть в Пекин, хоть на луну! Мне плевать! Я хочу вытравить его из своей головы. Заставить сердце не биться отчаянной птичкой каждый раз, когда слышу или вижу брата. Хочу просто уничтожить то, от чего так трудно дышать.

Я не люблю его.

Не хочу любить...

Глава 4

Из комнаты я не вылезаю до полуночи. Странно, но ни отец, ни Марина не приходят, чтобы вправить мне мозги. Ну, с Мариной я горячусь – она никогда не позволяла себе воспитательных мероприятий в отношении меня, пусть и по призванию была учителем. Наверное, слишком мягким учителем, потому что в школе в итоге не задержалась после замужества. Отец наверняка занят рабочими делами – у его компании новое направление, которое сулит приток денег и рост бизнеса. Кажется, ему всегда будет мало. Но я не влезаю в его дела.

Сейчас меня больше остальных беспокоит лишь один человек, который не так давно вернулся в свою комнату. В этой части дома находятся наши спальни, родительская комната – в противоположном конце коридора. Поэтому я отчетливо слышу шаги брата и глухой стук двери. Но выбираюсь из комнаты не сразу. Меня до сих пор потряхивает от напряжения. Какой бы бравадой я не была преисполнена за ужином, теперь же во мне кипят остатки бесстрашия, и затыгивает пучина злости.

Переодевшись в простую длинную футболку и домашние хлопковые шорты, я вправляю ноги в любимые розовые тапочки и выглядываю за дверь. Коридор встречает меня леденящей душу тишиной и блеклым светом ночников. Оглянувшись на закрытую дверь спальни брата, я ступаю бесшумным шагом и прислушиваюсь. Прежняя тишина сопровождает меня до первого этажа. Теперь я могу ступать более уверенно, а не красться по дому как мышь.

Добравшись до кухни, я заглядываю в холодильник и нахожу там бутылку газировки и ванночку с мороженым. Мой ночной зазор перед сном. Выкладывая на тарелку увесистый кусок клубничного мороженого, и рассматривая, как пузырятся газировки в бокале, до меня доносится приглушенное хлопанье. Я вздрагиваю и роняю ложку, за которой тут же наклоняюсь.

– Твою же мать! – рычу сквозь зубы, наблюдая, как капельки мороженого тают на тапочке.

– Ты не меняешься, – слышится из-за спины, и я вздрагиваю, резко выпрямляясь.

Яр стоит на входе и прислоняется плечом к дверному косяку. Он тоже успел переодеться и теперь выглядит по-домашнему. Светло-серые спортивные брюки, майка белоснежного цвета. Я на мгновение закрываю глаза, пытаюсь напомнить себе – я не должна любоваться им. Я должна ненавидеть его.

– Такая же рукожопая, как и раньше, – добавляет брат, продолжая рассматривать меня через прозрачные стекла его неизменных очков.

И зачем очки? Неужели не может позволить себе операцию? Я могу задать эти вопросы и быть по-прежнему резкой и заносчивой, но молчу.

Во мне вскипает желание убраться отсюда как можно дальше, но единственный выход загораживает он.

– Странно, – вдруг выдает брат после молчаливой паузы, затянувшейся на некоторое время.

– Что? – Не выдерживаю и оборачиваюсь, отправляя испачканную ложку в раковину. Аппетит пропал, но еду я все же намерена забрать. Вдруг смогу побороть нервозность и запихнуть кусок в горло...

– Обычно тебя не заткнуть, – отвечает Яр. Его голос звучит глухо и низко. Пугающе низко. – А за сегодняшний день ты не произнесла и пары толковых фраз. Язык проглотила, Аришечка?

Я поджимаю губу и оборачиваюсь. Бросаю в сторону самого классного парня, которого когда-либо знала, молнии и цежу сквозь зубы.

– Язык на месте, Ярославушка. Настроения нет. Ты же приехал.

Он качает головой и усмехается. Вот только то, как изгибаются его губы... Это не улыбка. Это жесткий оскал, которым он одаривает меня.

– Не беспокойся сестренка. Уже скоро уеду. – Надменно бросает, выпрямляясь. Его руки опускаются в карманы. – Просто постарайся держать за зубами свой погнанный язык.

– Как и ты! – вспыхиваю, чувствуя, как с каждым словом Ярослав заставляет меня ненавидеть его еще больше.

Я задыхаюсь от злости, пытаюсь сконцентрироваться исключительно на ней. На ненависти... А не на том, как больно становится в груди, а внутренности жжет от воздуха, который я усиленно проталкиваю в легкие. В носу свербит. Неужели я на грани того, чтобы разреваться как ребенок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.